

ЗАСТОЙ В ВТО КАК ПРОЯВЛЕНИЕ КРИЗИСА ГЛОБАЛИЗАЦИИ

© 2019 г. В. Загашвили

ЗАГАШВИЛИ Владислав Степанович, доктор экономических наук, профессор, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная ул., 23 (zagashvili@imemo.ru).

Статья поступила в редакцию 26.02.2019.

Рассматриваются проблемы развития мировой торговли и многосторонней торговой системы, связанные с перестройкой международного экономического порядка и изменениями в составе лидеров глобальной экономики. В будущем усилится потребность в координации не только между странами, но и между основными группами интересов, а также ВТО, МВФ и другими элементами системы глобального управления. Основные направления трансформации ВТО включают пересмотр принципа принятия решений, повышение роли плюрилатеральных соглашений, расширение круга рассматриваемых вопросов за пределы традиционной торговли, гармонизацию между правовой системой ВТО и новыми нормами, вводимыми мегарегиональными соглашениями.

Ключевые слова: глобализация, международный экономический порядок, международная торговля, многосторонние торговые переговоры, Доха-раунд, торговая политика, мегарегиональные торговые соглашения, Всемирная торговая организация (ВТО).

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-6-5-12

Отражением кризисных процессов, развивающихся в мировой экономической системе, стал застой на многосторонних торговых переговорах в рамках Дохийского раунда. Тупик в переговорах свидетельствует о кризисе ВТО, который служит отражением кризиса глобализации. Необходимость реформирования этой организации уже на протяжении ряда лет широко обсуждается на международных форумах и на страницах аналитических изданий. В ноябре 2018 г. актуальность такой задачи получила подтверждение на саммите G20. Действительно, правовая база ВТО нуждается в кардинальном обновлении. С момента создания организации заключено лишь два новых крупных соглашения, вне правового поля остаются актуальные проблемы развития транснационального бизнеса. Нынешнее обострение ситуации в ВТО вызвано разворотом торговой политики США в сторону изоляционизма и протекционизма, происходящим в рамках перестройки международного экономического порядка, сложившегося в середине прошлого века.

ЗАМЕДЛЕНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

В начале XXI в. развитие глобализации, которое шло высокими темпами в последние десятилетия XX в., замедлилось, что нашло отражение в динамике международной торговли. Во второй половине XX в. она росла примерно в 1.5 раза быстрее производства. В 1990-е годы показатель эластичности торговли по доходу (отношение темпов прироста оборота мировой торговли к темпам при-

роста мирового ВВП), как правило, был выше 2-х, в “нулевые” годы XXI в. он в большинстве случаев находился в интервале от 1.5 до 2, а в 2011–2016 гг. не достиг и 1. В 2017 г. темпы прироста мировой торговли и мирового ВВП вернулись к привычному для нас соотношению: торговля вновь стала расти быстрее производства — коэффициент эластичности повысился до 1.5, приблизившись к среднему значению [1]. Тем не менее стоимостной объем мирового товарного экспорта в этот период оставался ниже уровня 2014 г. В 2018 г. рост мировой торговли вновь замедлился, и если основным участникам разворачивающейся торговой войны не удастся продлить с большим трудом достигнутое перемирие, то высока вероятность дальнейшего снижения темпов роста физического объема международного товарооборота в 2019 г.

Замедление международной торговли, обострение межстрановых противоречий и всплеск протекционизма в 2008–2009 гг., получившие новый импульс с приходом в Белый дом Д. Трампа, — все это дало повод говорить о кризисном периоде в развитии глобализации. Не только в США, но и в ряде других стран наблюдается заметный крен общественных настроений в сторону изоляционизма. При этом глобализация объявляется источником экономических и социальных проблем, решение которых изоляционисты связывают с ослаблением вовлеченности своей страны в мировую экономику.

Кризис 2008–2009 гг. привел, по сути, к отказу от “Вашингтонского консенсуса”, ставящего во главу угла дерегулирование, бюджетную дисци-

плину, приватизацию, открытость рынков товаров и капиталов. Неспособность многих развивающихся государств преодолеть экономический спад, вырваться из трясины бедности, сократить отставание от лидеров все чаще связывалась с экономической политикой, которую им навязал МВФ. “Вашингтонский консенсус” стал прочно ассоциироваться с тезисом о “разрушительном воздействии” глобализации на развивающиеся страны [2].

Впрочем, как показал пример Китая, а ранее других азиатских государств, с развитием глобализации не возникают непреодолимые препятствия для догоняющих стран. Другое дело, что процесс протекает неравномерно во времени и пространстве, в функциональном и структурном планах. Это проявилось, в частности, в отставании политической интеграции от интеграции на уровне корпораций. Международные институты не успевают подготовить адекватные ответы на запросы транснационального бизнеса. Опережающими темпами развивается финансовая сфера, ее интернационализация намного опередила формирование международных регулирующих механизмов, что стало одной из главных причин мирового кризиса 2008—2009 гг. Не случайно именно в этой сфере были сосредоточены основные усилия по формированию системы глобального управления в посткризисные годы.

Разумеется, глобализация, как и, например, научно-технический прогресс, не могут быть одинаково выгодными для всех и несут с собой определенные издержки, но вряд ли это может служить достаточным основанием для отказа от них. И то, и другое отражает объективные тенденции мирового развития. Затормозить связанные с ними процессы в отдельной взятой стране вполне возможно, но повернуть вспять во всем мире — заведомо нереализуемая задача.

Вместе с тем нельзя закрывать глаза на очевидные проблемы. Неприятие глобализации сегодня наблюдается не только в развивающихся, но и в развитых странах, где в проигрыше оказались менее квалифицированные рабочие, столкнувшиеся с падением доходов и сокращением рабочих мест. “В результате многие призывают к большему протекционизму или обвиняют иммигрантов. Но ответ не в деглобализации и возвращении в наши национальные бункеры, а в том, чтобы переосмыслить наш общественный договор, чтобы снизить напряженность и помочь людям приспособиться” [3].

Новый общественный договор должен отвечать на вызовы не только глобализации, но и технического прогресса, например, автоматизации и роботизации производства, которые сокращают количество рабочих мест, требующих выполнения

рутинных операций. Договор должен охватить широкий круг вопросов, связанных с неравным присвоением выгод от глобализации между странами и внутри стран, включая обеспечение занятости, имущественное расслоение, распределение налогового бремени и социальных благ. Все эти вопросы прямо или косвенно связаны с перестройкой международного экономического порядка (МЭП).

ПЕРЕСТРОЙКА МЕЖДУНАРОДНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОРЯДКА

Под международным экономическим порядком мы понимаем систему межстранового хозяйственного взаимодействия, включающую как сами эти правила, так и механизмы, обеспечивающие их установление и выполнение. В анархической по своей природе международной системе, лишенной единого органа управления, ключевой проблемой становится мотивирование самостоятельных и формально равноправных субъектов к соблюдению выработанных норм. Согласно теории гегемонистской стабильности, условием стабильности в современном мире служит международный экономический порядок, основанный на гегемонии одной лидирующей державы. Теория взаимозависимости, напротив, видит залог стабильности в более или менее равномерно распределенной между государствами экономической взаимозависимости и сотрудничестве.

Критики теории гегемонистской стабильности справедливо указывают на наличие ряда условий, ограничивающих ее применение, и возможность коллективного действия стран, заинтересованных в сохранении беспрепятственного товарообмена. С ослаблением страны-гегемона сотрудничество в целях поддержания международного экономического порядка может не только не ослабеть, но, напротив, стать более тесным и привести к лучшим результатам [4, р. 612]. Однако для того, чтобы такое коллективное действие осуществилось и было успешным, нужно соблюдение определенных условий.

По нашему мнению, при анализе эволюции МЭП могут быть востребованы обе концепции, тем более что в обоих случаях речь идет о преимущественном, а не исключительном влиянии. В любой ситуации присутствуют как сотрудничество, так и попытки навязывания всем воли более или менее выраженного единоличного лидера или коалиции стран.

Теория гегемонистской стабильности хорошо объясняла причины установления либерального международного экономического порядка после Второй мировой войны. Тогда МЭП отражал интересы США, чьи корпорации и банки занимали

доминирующие позиции. Одновременно либеральный МЭП способствовал углублению хозяйственной взаимозависимости, что требовало усиления согласованности мер внешней и внутренней экономической политики. Однако на это требование США и их партнеры дали разные ответы.

В то время как Соединенные Штаты, опираясь на свою мощь, вносили в международный режим изменения, ограждавшие экономику страны от внешних шоков, их партнеры учились использовать преимущества взаимозависимости и повышали адаптивность своих экономических систем, приводя их в соответствие с новыми реалиями [5, pp. 140-145]. Сочетание стабильности и гибкости, способности быстрого реагирования на изменение внешних условий служили важнейшей составляющей экономической силы [6, сс. 61-62]. При этом экономика США неуклонно становилась слабее, тогда как экономика других стран, напротив, укреплялась.

Таким образом, международный экономический порядок, основанный на гегемонии, запрограммирован как на ослабление лидера, так и на создание предпосылок для перехода к иному режиму — режиму, опирающемуся на взаимозависимость. Правда, такой переход не может произойти без затруднений, временной потери “качества”, почти неизбежной (пусть и преодолимой), но все же дестабилизации в мировой торговле и финансах.

Сегодня прослеживаются очевидные параллели с периодом Великой депрессии, которую Ч. Киндлбергер связывал с неготовностью нового лидера США прийти на смену Великобритании и взять на себя те функции, которая та была уже не в состоянии выполнять. Речь идет о поддержании открытости рынка, способного принять излишки продукции, производимой в других странах; осуществлении контрциклической политики долгосрочного кредитования и обеспечении краткосрочной ликвидности в периоды кризисов (функция кредитора последней инстанции); поддержании стабильных курсов валют и координации экономической политики [7, р. 291]. Вместо этого верх взял курс на “разорение соседа”, выразившийся в усилении протекционизма, девальвациях валют и других мерах, преследующих цель выживания за чужой счет. Мир вступил в полосу затяжного и глубочайшего экономического кризиса. Существует опасение, что “ловушка Киндлбергера” может сработать и в нынешней ситуации, если ни США, ни Китай не смогут или не захотят взять на себя поддержание стабильности МЭП [8].

В теории длинных циклов, которая во многом согласуется с концепцией гегемонистской стабильности, названы основные черты лидера: 1) обладание политико-стратегическими силами глобаль-

ного охвата (океанский флот, космические силы); 2) передовая экономика, служащая образцом для подражания; 3) открытое демократическое общество; 4) чувствительность к глобальным проблемам и способность ответить на глобальные вызовы. Характеристики же претендентов на лидерство иные: 1) большая армия; 2) масштабная экономика; 3) закрытое контролируемое общество; 4) слабые этноцентричные СМИ [9].

Нетрудно заметить, что таким характеристикам удовлетворяет в первую очередь Китай. Очевидно, созданный им МЭП основывался бы на “Пекинском консенсусе”, провозглашающем, в частности, возможность успешного экономического развития при активной роли государства в экономике и авторитаризме в политике [10].

Однако надеждам на то, что Пекин перехватит знамя гегемона из слабеющих рук Вашингтона, едва ли суждено сбыться. По всей вероятности, теория гегемонистской стабильности не будет работать в условиях, которые сегодня складываются в мировой экономике. Решающая роль здесь принадлежит продолжающейся транснационализации производства, при которой “всемирные экономические отношения все более обретают роль ведущих, определяющих, тогда как внутристрановые отношения даже очень крупных и весьма могущественных стран, не говоря уже об остальных, вынуждены приспосабливаться к реалиям глобальной экономики” [11, с. 5]. Резко уменьшились возможности отдельных государств по достижению экономических целей без согласования с другими странами, возросла потребность в координации экономической политики и формировании механизмов глобального управления [12]. Поддержание высоких темпов роста того же Китая всецело зависит от благосостояния Соединенных Штатов, остающихся крупнейшим рынком и одновременно должником КНР.

На этом этапе на первый план выходит теория экономической взаимозависимости и поддержания стабильности на основе международного сотрудничества. Кроме того, пытаясь разглядеть будущие контуры МЭП, нельзя обойти вниманием теорию комплексной взаимозависимости [13], где во главу угла ставится транснационализация международных отношений, размывающая национальный суверенитет и ослабляющая роль межгосударственного взаимодействия в сравнении с взаимодействием других акторов.

Как и любое действие, связанное с достижением коллективного блага, создание стабильного международного порядка на основе сотрудничества независимых субъектов требует нетривиальных подходов. Однако новое зрение МЭП не водится с нуля, разрушение действующего порядка

не является неизбежным. Скорее, дело ограничится его модификацией, что представляет собой сравнительно более легкую задачу и порождает определенный оптимизм в отношении сотрудничества “после гегемонии” [14].

Действительно, основные институты системы глобального управления уже функционируют. Они создавались в конце Второй мировой войны и в первые годы после нее при самом активном участии США и оказались способны выполнять возложенные на них обязанности и при ослаблении лидера. Создание международной торговой организации также изначально предусматривалось архитекторами послевоенного устройства мира, хотя по ряду причин в 1947 г. участники переговоров ограничились заключением Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), которое в последующие годы было дополнено множеством других соглашений, образующих систему регулирования международной торговли. В 1995 г. начала действовать собственно международная организация — ВТО, которая, правда, уже вскоре после своего создания столкнулась с целым рядом проблем, разрешить которые не удается до настоящего времени.

УГРОЗЫ ДЛЯ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ

Текущий раунд многосторонних торговых переговоров ВТО в Дохе с самого начала преследовали неудачи. Его открытие было перенесено с 1999-го на 2001 г., огромные усилия потребовались для согласования повестки дня, решение каждого вопроса давалось с большим трудом, а результаты переговоров оказались весьма скромными. В настоящее время переговоры фактически зашли в тупик — их участники не могут прийти к соглашению относительно тем дальнейшего обсуждения. С приходом в Белый дом нового президента к нерешенным стратегическим вопросам добавились острые проблемы текущей торговой политики.

Непосредственными причинами смены вектора американской торговой политики в сторону усиления протекционизма и антиглобализационной риторики послужили, во-первых, ослабление позиций США в экономическом соревновании с Китаем, который в 2012 г. вышел в мировые лидеры по объему внешнеторгового оборота, во-вторых, уже упоминавшееся нежелание лидера приспособиться к внешним изменениям. Протекционизм стал простым ответом на обострение проблемы торгового дефицита и альтернативой проведению структурных преобразований в американской промышленности.

Вместе с тем США по-прежнему остаются самым привлекательным рынком товаров и ка-

питала, сохраняют ведущие позиции в научно-технической сфере, опираются на крупнейший военный потенциал, входят в число лидеров по эффективности общественного производства, намного опережая по этим показателям КНР. Однако способность лидера предоставить миру такое общественное благо, как международная экономическая стабильность, зависит не только от его хозяйственной мощи, но и от ситуации, складывающейся на национальном политическом рынке [15]. Между тем сегодня внутривластная ситуация в США с ее острыми противоречиями и неготовностью основных групп интересов к компромиссу крайне неблагоприятна для выполнения страной роли гаранта стабильности международной экономической системы.

Обращение к протекционизму в американской торговой политике укладывается в схему поведения слабеющего лидера, который ранее выступал в роли основного инициатора и бенефициара глобализации. Более того, нельзя исключить ситуацию, “когда гегемон в лице США не будет замыкаться в себе (в изоляционистском смысле), однако станет все более деструктивной силой в мировой экономике” [16]. Отчасти это уже происходит.

В 2018 г. США в одностороннем порядке ввели ряд протекционистских мер, сославшись при этом на два внутренних законодательных акта: Закон о расширении торговли 1962 г. и Закон о торговле 1974 г. ВТО в принципе не запрещает такие меры (возможность отказа от него в обозримом будущем не просматривается), а лишь вводит их применение в определенные рамки. И действительно, подавляющая часть ограничительных мер, к которым прибегают участники ВТО, как правило, соответствует нормам данной организации [17]. Применение же национального законодательства в решении вопросов международной торговли вызвало закономерное возмущение партнеров США.

Вашингтон обосновал повышение импортных пошлин на сталь и алюминий ссылкой на интересы национальной безопасности в соответствии со ст. XXI ГАТТ, которая обычно используется при введении санкций по политическим мотивам. Аргументация американской стороны выглядела особенно искусственной постольку, поскольку она распространялась и на торговые отношения с европейскими странами — стратегическими партнерами и союзниками США. К тому же сама эта норма ВТО уже давно нуждается в уточнении, так как она слишком размыта и оставляет широкий простор для толкований. Но Соединенные Штаты не спешат присоединиться к многочисленным призывам конкретизировать положения соответствующей статьи ГАТТ.

Заговорили даже о возможности выхода США из ВТО, что без сомнения нанесло бы сокруши-

тельный удар по системе многостороннего регулирования торговли. Сократился бы не только американский импорт, но и экспорт, а с ним — те самые рабочие места, увеличение которых Трамп обещал своим избирателям. Мир оказался бы на пороге нового глобального экономического кризиса. Таким образом, пострадали бы интересы всех стран и прежде всего самих США [18]. Впрочем, сложившееся соотношение интересов и сил в высших органах власти США сделает выход страны из ВТО чрезвычайно затруднительным, если вообще выполнимым.

Сегодня торговый протекционизм становится серьезным препятствием для глобального роста. Эксперты Всемирного экономического форума назвали обострение политических и экономических противоречий между государствами главными угрозами для развития мировой экономики в наступившем 2019 г. [19] В числе угроз этого ряда — кризис институциональной основы системы международной торговли, ВТО.

НАПРАВЛЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ВТО

На протяжении 2018 г. на встречах членов ВТО в различных составах обсуждались вопросы реформирования организации. Среди множества проблем организации особую озабоченность Вашингтона вызывают несоблюдение авторских прав, нарушение странами сроков уведомления о принимаемых торгово-политических мерах, а также применение специального и дифференцированного режима в отношении развивающихся стран, которые при этом занимают достаточно прочное, иногда доминирующее положение на мировом рынке [20]. По мнению Соединенных Штатов, в своем нынешнем виде правовая база ВТО не обеспечивает им достаточной защиты от несправедливых торговых практик и прежде всего от принуждения иностранных инвесторов к трансферу технологий, поддержки государственных компаний, субсидирования промышленных предприятий.

По мнению ЕС, истоки нынешнего кризиса кроются в неэффективности действующей системы ВТО, с момента создания которой прошло более 20 лет. “Мир за это время изменился, а ВТО — нет” [21]. Заручившись поддержкой ряда стран, Европейская комиссия в 2018 г. предложила свою концепцию модернизации ВТО. Основное внимание в ней уделено совершенствованию правовой основы организации, выполнению требований в отношении прозрачности и нотификации мер торговой политики, обеспечению работы системы разрешения споров. Подчеркивается необходимость постоянного контроля за субсидированием и деятельностью государственных предприятий, устранения барьеров на пути перемещения по-

токов товаров, услуг и инвестиций, соблюдения запрета на принуждение к передаче технологий. Брюссель разделяет недовольство Вашингтона привилегированным статусом в организации ряда развивающихся стран и неудовлетворительной защитой интеллектуальной собственности.

В ноябре 2018 г. ЕС, поддержанный КНР, Индией и рядом других стран, выдвинул развернутые предложения по реформированию Апелляционного органа — неотъемлемого элемента системы разрешения споров ВТО. Ранее его работа была поставлена под угрозу из-за противодействия со стороны Соединенных Штатов, которые блокировали назначение новых арбитров.

Между тем вопрос о системе разрешения споров чрезвычайно важен. Для МЭП, основанного на взаимозависимости, особое значение имеет механизм обеспечения выполнения странами взятых на себя обязательств. Его эффективность во многом зависит от способа установления факта нарушения и наложения ответственности. В ВТО такие задачи решаются с помощью уникальной системы разрешения споров. Ее значение выходит за рамки торговой системы, накопленный опыт, возможно, будет использоваться и в других звеньях глобального управления.

Пока же все отчетливее проявляется необходимость реформирования ВТО, что обусловлено помимо прочего ее неспособностью предложить решения, удовлетворяющие участников глобальных цепочек стоимости (ГЦС). Одним из препятствий стал действующий в ВТО принцип консенсуса [22]. Дело в том, что далеко не все члены организации в равной мере заинтересованы в содействии расширению таких цепочек. Многие страны готовы участвовать в решении проблем ГЦС лишь в обмен на предоставление уступок по другим вопросам. В сложившихся условиях достижение всеобъемлющего компромисса оказывается практически невозможным. Выход видится в создании необходимых институтов на региональном уровне, что представляется вполне логичным, поскольку ГЦС формируются прежде всего в рамках крупных регионов мира, где и сосредоточены усилия по заключению мегарегиональных торговых соглашений (МРТС).

Иногда создание МРТС трактуют как угрозу существованию ВТО. Однако, по нашему мнению, феномен МРТС свидетельствует не о кризисе, а о гибкости многосторонней торговой системы, ее способности развиваться. В данном случае мы можем наблюдать переход от многосторонней системы регулирования к многоуровневой (глобальной, региональной и двусторонней) [23]. Критически важной становится гармонизация норм, действующих на трех ее этапах. Эта проблема решается — все

новые (как двусторонние, так и многосторонние) торговые соглашения между странами — членами ВТО разрабатываются с учетом действующих норм организации.

Возможны и другие сценарии решения проблемы. Один из них — включение правил региональных соглашений в обновленную нормативную базу ВТО. Согласно второму сценарию, наряду с существующей ВТО может быть создана новая организация, которая будет решать вопросы, выходящие за рамки традиционной повестки торговых переговоров [24]. Нельзя исключить и третий сценарий: распад правовой системы международной торговли и заключение большого количества не согласованных и противоречащих друг другу двусторонних соглашений [25].

Принцип консенсуса остается одним из основных тормозов на пути развития ВТО. Не менее обременительным оказывается и принцип пакетного принятия решений, зафиксированный в известной формуле “не согласовано ничего, пока не согласовано все”. Переход к принятию решений на основе большинства или квалифицированного большинства, если и удастся осуществить, то лишь по ограниченному кругу вопросов. Выходом могло бы стать использование плюрилатеральных соглашений, в которых участвуют не все члены ВТО, а лишь заинтересованные страны. Опыт использования такого рода соглашений в ВТО имеется (это соглашения по правительственным закупкам, торговле гражданской авиатехникой, информационным технологиям). Ряд новых соглашений на этой основе (по услугам, инвестициям, экологическим товарам) разрабатывается в настоящее время. Со временем их число, по всей вероятности, будет расти.

Важным направлением реформирования институтов глобального управления стало расширение круга участников обсуждения за счет негосударственных организаций и бизнеса [26], что согласуется с основными положениями уже упоминавшейся теории комплексной взаимозависимости. Разумеется, интересы национального бизнеса и потребителей и сегодня составляют основу переговорной позиции членов ВТО. Однако существующая система не смогла учесть интересы бизнеса, например, в облегчении функционирования глобальных цепочек стоимости. Требуется новые каналы взаимодействия основных групп интересов и, что особенно важно, обеспечение гласности в функционировании этих механизмов.

* * *

Наблюдаемый сегодня кризис глобализации и мировой торговой системы, в частности, представляет собой кризис роста, возникший в ходе перестройки международного экономического по-

рядка. Необходимость такой перестройки в свою очередь обусловлена развитием транснационального производства, углублением международной экономической взаимозависимости и ослаблением позиций США как лидера мировой экономики.

Международный экономический порядок, основанный на взаимозависимости, не возникает на пустом месте и не сменяет (подобно слайду на экране проектора) порядок, основанный на гегемонистской стабильности. Не только его предпосылки, но и основные элементы создаются на предыдущем этапе, а поскольку ослабление лидера происходит постепенно, участники международной экономической системы получают возможность приспособиться к изменениям. Это длительный процесс, который занял несколько десятилетий. Переход пальмы первенства от Великобритании к США также продолжался более полувека, вместив в себя две мировые войны и крупнейший мировой экономический кризис. Однако в какой-то момент смена эпох становится очевидной.

В наше время ход событий ускорился вследствие появления такого претендента на лидерство, как Китай, который уже обошел США по объему экспорта и приблизился к ним по объему номинального ВВП, а если брать показатель, рассчитанный по паритету покупательной способности, то вышел на первое место в мире и по объему ВВП. Однако Пекин вряд ли сменит Вашингтон в роли гаранта стабильности МЭП, причем не потому, что он не готов или не способен, а потому, что новая экономика нуждается в новом порядке, отвечающем потребностям глобального рынка. США самоустраиваются от роли гаранта стабильности не только потому, что ощущают свою слабость по отношению к конкурентам, но и потому, что в условиях растущей глобализации ни одна страна не в состоянии справиться с этой ролью.

По мере углубления взаимозависимости стабильность международного экономического порядка должна будет все больше опираться на систему глобального управления. Разумеется, основные элементы этой системы, сложившиеся на предыдущем этапе, претерпят изменения, которые отчасти уже происходят в МВФ, Всемирном банке и мировой финансовой архитектуре в целом.

ВТО также нуждается в глубоком реформировании. В числе его наиболее очевидных направлений: отказ от принятия решений на основе принципов консенсуса и “пакетности”, повышение роли плюрилатеральных соглашений, пересмотр СДР, расширение круга рассматриваемых вопросов за пределы традиционной торговли, гармонизация правовой системы ВТО и мегарегиональных соглашений.

Взаимозависимость будет приобретать все более комплексный характер, поскольку усилится потребность в координации не только между странами, но и между основными группами интересов, а также элементами системы глобального управления. Представляется целесообразным учитывать такую перспективу уже сегодня, чтобы обеспечить слаженный и согласованный процесс трансформации ВТО, МВФ и других звеньев системы гло-

бального управления. Кроме того, все более настоятельной становится необходимость разработки прозрачных механизмов, позволяющих обсуждать и учитывать мнение транснационального бизнеса, лиц наемного труда, потребителей и представителей других участников общественного договора, который требует пересмотра по мере углубления процессов глобализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *World Trade Statistical Review 2018*. World Trade Organization. Geneva, 2018. 209 p. Available at: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2018_e/wts18_toc_e.htm (accessed 24.02.2019).
2. Stiglitz J. *Globalization and Its Discontents*. New York, W.W. Norton & Comp., 2002. 304 p.
3. Shafik N. A New Social Contract. *Finance & Development*, December 2018, vol. 55, no. 4, pp. 4-8. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2018/12/pdf/lse-a-new-social-contract-shafik.pdf> (accessed 24.02.2019).
4. Snidal D. The Limits of Hegemonic Stability Theory. *International Organization*, vol. 39, no. 4, 1985, pp. 579-614.
5. Ilgen Th. *Autonomy and Interdependence: US — Western European Monetary and Trade Relations*. Totowa, 1985. 166 p.
6. Загашвили В. *Экономическая безопасность России*. Москва, Юрист, 1997. 240 с. [Zagashvili V. *Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii* [Economic security of Russia]. Moscow, Yurist, 1997. 240 p.]
7. Kindleberger Ch. *The World in Depression, 1929—39*. Berkeley, University of California Press, 1973. 336 p.
8. Bergsten C. China and the United States: Trade Conflict and Systemic Competition. *Policy Brief*, October 2018. Available at: <https://piiie.com/publications/policy-briefs/china-and-united-states-trade-conflict-and-systemic-competition> (accessed 24.02.2019).
9. Модельски Д. Эволюция глобальной политики (I). *Полис. Политические исследования*, 2005, № 3, сс. 62-82. [Model'ski D. Evolyutsiya global'noi politiki [The evolution of global politics]. *Polis. Political studies*, 2005, no. 3, pp. 62-82.] DOI: 10.17976/jpps/2005.03.06
10. Ramo J. *The Beijing Consensus*. London, The Foreign Policy Centre, 2004. 76 p. Available at: <http://www.chinaelections.org/uploadfile/200909/20090918021638239.pdf> (accessed 21.02.2019).
11. Шишков Ю. *Догоняющее развитие в эпоху глобализации*. Москва, ВАВТ, 2006. 242 с. [Shishkov Yu. *Dogonyayushchee razvitiie v epokhu globalizatsii* [Catching up on globalization]. Moscow, VAVT, 2006. 242 p.]
12. Барановский В., Иванова Н., отв. ред. *Глобальное управление: возможности и риски*. Москва, ИМЭМО, 2015. 315 с. [Baranovsky V., Ivanova N. *Global'noe upravlenie: vozmozhnosti i riski* [Global governance: opportunities and risks]. Moscow, IMEMO, 2015. 315 p.] Available at: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=645&id=3006 (accessed 24.02.2019).
13. Keohane R., Nye J. *Power and Interdependence: World Politics in Transition*. Boston, Little, Brown, 1977. 275 p.
14. Keohane R. *After Hegemony: Cooperation and Discord in World Political Economy*. Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 1984. 312 p.
15. Krasner S.D. State Power and the Structure of International Trade. *World Politics*, 1976, vol. 28, no. 3, pp. 317-347. DOI: 10.2307/2009974
16. Гилман М. Различия экономических результатов и изменение альянсов в деглобализирующемся мире. *Вестник международных организаций*, 2018, т. 13, № 2, сс. 7-16. [Gilman M. Razlichiya ekonomicheskikh rezul'tatov i izmenenie al'yansov v deglobaliziruyushchemsya mire [Divergent performance and shifting alliances in a deglobalizing world]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii*, 2018, vol. 13, no. 2, pp. 7-16.] Available at: <https://iorj.hse.ru/2018-13-2/222793325.html> (accessed 24.02.2019). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-02-01
17. Оболенский В. От легитимного протекционизма к торговым войнам? *Мировая экономика и международные отношения*, 2018, т. 62, № 9, сс. 18-25. [Obolenskiy V. Ot legitimnogo protektsionizma k torgovym voinam? [From legitimate protectionism to trade wars?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, vol. 62, no. 9, pp. 18-25] DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-9-18-25
18. Bown Ch., Irwin D. *What Might a Trump Withdrawal from the World Trade Organization Mean for US Tariffs? Policy Brief*. November 2018. Available at: <https://piiie.com/publications/policy-briefs/what-might-trump-withdrawal-world-trade-organization-mean-us-tariffs> (accessed 21.02.2019).
19. *The Global Risks Report 2018*. Geneva, World Economic Forum, 2018. 68 p. Available at: <http://reports.weforum.org/global-risks-2018> (accessed 21.02.2019).
20. *2018 Trade Policy Agenda and 2017 Annual Report of the President of the United States on the Trade Agreements Program*. The Office of the United States Trade Representative (USTR). March 2018. Available at: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/reports-and-publications/2018/2018-trade-policy-agenda-and-2017> (accessed 24.02.2019).
21. *WTO Modernisation — Introduction to Future EU Proposals*. 18 September 2018. Available at: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2018/september/tradoc_157331.pdf (accessed 24.02.2019).

22. Портанский А. *Многосторонняя торговая система и перспективы ее реформирования*. Москва, ИМЭМО, 2015. 151 с. [Portanskii A.P. *Mnogostoronnyaya trgovaya sistema i perspektivy ee reformirovaniya* [Multilateral trading system and the prospects for its reform]. Moscow, IMEMO, 2015. 151 p.] Available at: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=645&id=3011 (accessed 24.02.2019).
23. Lombaerde Ph., eds. *Multilateralism, Regionalism and Bilateralism in Trade and Investment: 2006 World Report on Regional Integration*. United Nations University Series on Regionalism. Springer, 2007. 277 p. DOI: 10.1007/978-1-4020-5951-3
24. Baldwin R. WTO 2.0: Global Governance of Supply-Chain Trade. *CEPR Policy Insight*. 2012 (64), December. Available at: https://cepr.org/sites/default/files/policy_insights/PolicyInsight64.pdf (accessed 24.02.2019).
25. Nakatomi M. *Global Value Chain Governance in the Era of Mega FTAs and a Proposal of an International Supply-Chain Agreement*. 15 August 2013. Available at: <https://voxeu.org/article/it-time-international-supply-chain-agreement> (accessed 24.02.2019).
26. Брэдли Д. Оценка потенциала реформ системы глобального экономического управления. *Вестник международных организаций*, 2018, т. 13, № 4, сс. 213-236. [Bradlow D. Otsenka potentsiala reform sistemy global'nogo ekonomicheskogo upravleniya [Assessing the potential for global economic governance reform]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii*, 2018, vol. 13, no. 4, pp. 213-236.] Available at: <https://iorj.hse.ru/2018-13-4/228933905.html> (accessed 24.02.2019). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-04-10

WTO CRISIS AS MANIFESTATION OF GLOBALIZATION CRISIS

(World Economy and International Relations, 2019, vol. 63, no. 6, pp. 5-12)

Received 26.02.2019.

Vladislav S. ZAGASHVILI (zagashvili@imemo.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

The present crisis of globalization, which has found one of its manifestations in the crisis of the multilateral trading system, is a growth crisis that arose during the restructuring of the international economic regime. The need for such restructuring is due to the development of transnational production, the deepening of economic interdependence and the weakening of the US as the leader of the world economy. The international economic regime is understood as a system of rules for international economic interaction, including both these rules themselves and the mechanisms that ensure their establishment and implementation. The theory of hegemonic stability, which explained the development of the international economic regime in the past century, in the present century gives way to the theory of interdependence, especially complex interdependence. China will not replace the United States as a guarantor of the stability of the international economic system, not because it is not ready or not capable, but because the new economy needs a new regime that meets the needs of the global market. The US is withdrawing from the role of the guarantor of stability not only because they feel weak relative to their competitors but also because no country is able to play this role in the conditions of growing globalization. As interdependence deepens the stability of the international economic regime will increasingly rely on a system of global governance. The main elements of this system that emerged at the previous stage will undergo changes which are already partly occurring in the IMF, the World Bank and the global financial architecture as a whole. The WTO also needs to be reformed. The most obvious steps of WTO transformation include abandoning the consensus and single undertaking principles in decision-making, enhancing the role of plurilateral agreements, revising the special and differential treatment provisions, expanding the scope of issues beyond traditional trade, harmonizing between the WTO legal system and new norms introduced by mega-regional agreements. The growing complexity of interdependence increases the need for coordination not only between countries, but also between major interest groups, as well as elements of the system of global governance. It seems appropriate to ensure a coherent and coordinated process of transformation of the WTO, the IMF and other parts of the system of global governance. There is a demand for transparent mechanisms that allow to represent interests of transnational businesses, wage earners, consumers and representatives of other participants of the social contract that is to be transformed with the growth of globalization.

Keywords: globalization, international economic regime, international trade, multilateral trade negotiations, Doha round, trade policy, mega-regional trade agreements, World Trade Organization (WTO).

About author:

Vladislav S. ZAGASHVILI, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of Sector.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-6-5-12